

Григорий Холстинников

Братец Кощей

КНИГА 2: ИДИ ТУДА - НЕ ЗНАЮ КУДА

18+

Григорий Холстинников

Братец Кощей. Книга 2.

Иди туда — не знаю куда.

<https://litres.ru/74083294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как это обычно бывает, когда кажется, что всё уже успешно закончилось, начинается самое интересное.

Бегство от погони заводит туда, где сама реальность плетёт ловушки хитрее любого лабиринта. А самыми тяжёлыми испытаниями становятся не головоломки и битвы с драконами — а соблазн иметь всё и страх потерять в этом себя.

«Идти туда — не знаю куда» — это не направление, это судьба. И тот, кто беспомощно следовал по пятам, открывает дорогу к настоящей свободе.

Содержание

Часть 4. Право на смерть	4
Глава 1. Загнанный зверь	4
Глава 2. Правила игры	30
Глава 3. Суть вещей	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Григорий Холстинников

Братец Кощей. Книга 2.

Иди туда — не знаю куда.

Часть 4. Право на смерть

Глава 1. Загнанный зверь

Первым ощущением был холод. Пронизывающий, острый, бодрящий. Холод пробирался в насквозь промокшее тело, находя себе заковыристые лазейки и втыкая туда отточенные иглы. Одну за одной: медленно, планомерно, с удовольствием.

Каждая игла входила в строго отведённое место, заставляя суставы дёргаться в рефлекторной судороге. Иглы готовы были проникнуть глубже и глубже, пригвоздив тело окончательно к земле, подарив счастливую возможность никуда не спешить и ни о чём не беспокоиться. Об остальном позаботятся живущие вокруг и рядом вечно голодные уборщики — улитки, раки, жуки, личинки — готовые съесть всякий мусор, что останется на земле по любой из причин. В том числе умерший от холода. К смерти здесь все привыкли.

Смерть всегда была неотъемлемой частью жизни, делая её насыщеннее и богаче.

Йен с трудом открыл глаза. Всё болело: стремительный водный поток изрядно побил его о стены, избалованным ребёнком мотая тряпичную игрушку в своих руках. Голова звенела и кружилась, зрение туманилось, сердце в груди колотилось как бешеное. Сказывалась гипоксия, которую испытал организм, пытаясь выжить в стремительно несущемся безвоздушном пространстве.

Сверху ему игриво подмигивали прячущиеся за набегаящими тучами звёзды, и только неспешно разгуливающие наверху стежки танцующих молний давали понять: горные лабиринты с каменным небом выпустили своего узника на свободу.

Кощей!

Мысль была подобна большому взрыву, рождавшему целую вселенную. Мотая головой из стороны в сторону, пытаясь сфокусироваться, он с огромным трудом осматривался вокруг.

Его прижало к одному из валунов, которых с лихвой насыпало из горной расщелины, что выплеснула свои глубинные воды, оросив землю бриллиантовым дождём. Вокруг всеми цветами радуги блистали россыпи подземных сокровищ, что были захвачены течением и проделали вместе с ним путь наружу. Обильно поваленные деревья ниже по склону наглядно показывали масштаб случившейся катастрофы.

Открывшийся в нескольких метрах над землёй скальный проём продолжал ломаной пульсацией выплёвывать из себя куски обычных и драгоценных камней. Гора время от времени гулко дрожала: то ли от обиды, то ли от гнева. Где-то вдалеке то и дело слышались грохочущие звуки камнепадов, разогнавших всю живность в округе.

Кощей!

Мысль о спутнике снова привела Йена в чувство. Опустив взгляд, он с облегчением обнаружил, что пойманный им осколок так и остался в руке. Распоротая ударом кожа кровоточила, но рана не вызывала беспокойства. Царапина, к таким не привыкать.

Кощей!

В голове творился бардак. Думать больше одной мысли сразу было физически трудно. Поэтому приходилось думать их по порядку. Йен опёрся рукой о землю и попытался подняться. Холодный ветер возмутился такому бунту, кинув в него стремительный пронизывающий порыв. Но сталкер был непреклонен. Прижимая к груди руку, сжимавшую добытый осколок, он, цепляясь и опираясь на поддерживающий его камень, встал на ноги.

Ноги держали с трудом, так что стоять можно было, только опираясь на что-нибудь. Но намерение двигаться дальше капля за каплей возвращало к нему силы. Разум восстанавливал свой контроль над телом. Тело отзывалось готовностью слушать управляющую им волю.

Неподалёку беспокойно ходила «волчица». Её четвероногого товарища не было видно рядом. Остался ли он где-то в горных коридорах, или его выбросило наружу другим путём? Однако самка, получив свободу, не стремилась никуда убегать. Либо ждала вожака, либо понимала, что заключённый ею контракт ещё не закрыт до конца. Йен выполнил свою часть договора, вытащив её на свет. Теперь ей надо было закрыть перед ним свой долг.

Увидев поднявшегося на ноги человека, она замерла в стойке, а затем, словно поняв, что он ищет, начала рвать куда-то в сторону. Роджер, опираясь на поднятую с земли ветку, последовал за ней. У наваленной неподалёку груды камней, по грудь в холодной воде, налившей глубокие лужи в выбитых камнями кратерах, без чувств лежал Кощей. Лицо его было спокойным и умиротворённым, как у человека, оставившего позади все свои печали и заботы: либо видевшего сладкий-сладкий сон, либо погибшего достойной счастливой смертью.

Йен схватил его за шиворот и поволок за собой. Сил едва хватало, чтобы тянуть тщедушное тело товарища. Когда под ногами оказалась сухая земля, он наклонился к нему, приложив ухо к груди.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Сердце тихо стучало свою морзянку. Сплошь короткие. Еле слышимое «е-е-е-е», лишённое того лукавого эха, что поддерживало их в каменных коридорах. Но — стучащее,

посылающее свой сигнал наружу. Живое.

Он облегчённо повалился на землю. Получилось! У них всё получилось! Радостные мысли согревали, вдыхали новые силы.

Обожжённые, в чёрных волдырях кулаки Кощея были крепко сжаты. Йен попытался было их раскрыть, но столкнулся с невиданной силой, заклинившей замок костлявых пальцев. А ещё руки и всё тело лежащего без сознания мужчины буквально горели огнём: то ли жар от неожиданной простуды, то ли следствие того безумного электрического контакта, которым он плавил горную породу.

Холод деловито ходил вокруг и не спешил отступать со своей иглотерапией, зная, что пациенты, бывает, сопротивляются. Самое главное здесь было самому не сдаваться и продолжать давить и давить дальше. Холод знал, что рано или поздно ломаются все. Не ломаются лишь его острые иглы.

Надо было срочно решать вопрос со стоянкой и обогревом. О дальнейшем пути не могло быть и речи: разбитое состояние Йена и бессознательность Кощея сковывали их на месте, требуя решать вопросы по порядку.

Сырая древесина напрочь отказывалась гореть: живая, сочащаяся густым нутром плоть поваленных и сломанных деревьев не реагировала ни на какие искры, что охотник пытался высечь, усиленно потирая пойманный им осколок о поднятые с земли булыжники. Несмотря на все те годы и

эпохи, что серый кристалл был зажат в скальных клыках, он не потерял своего дара высекать жаркое пламя и щедро расплёскивал яркие фейерверки. Однако сколько Йен ни пытался добыть живой огонь, результата это не приносило.

Ночной холод тем временем только усиливался: влажная трава покрылась инеем, а натёкшие лужицы схватывались тонкой корочкой льда. Мокрая одежда стала невыносимой и сама тянула к земле, сковывая движения, становясь обузой, а не защитой.

Вокруг не было ничего, что могло бы послужить источником тепла, кроме с лихвой насыпанных камней.

— Впрочем, — Йен усмехнулся про себя, — большего и не надо.

Подкатив пару валунов покрупнее, он положил на один из них ядро, которое привычно пустило световые корни в подставленный гранит, не спеша снимать с него каменную кожу: кусок скалы не терял своей прозрачности и даже не спешил нагреваться. Убедившись, что полученного эффекта явно недостаточно, Йен положил сверху второй скальный обломок, который почти мгновенно пропитался насквозь красным сиянием, пошёл трещинами и спустя десяток секунд с треском раскололся на несколько частей.

— Перебор, — прозвучал в ночной тишине комментарий, — но принцип понятен.

Потратив пару минут на эксперименты с весами и размерами, Йен собрал подходящий очаг, который держал ровный

жар и не спешил разваливаться на куски. Тепло от светящихся камней согревало воздух и впитывалось в землю, высушивая её и делая пригодной для сколь-либо комфортной стоянки.

Сначала надо было позаботиться о Кошее. Рюкзак, который принял на себя значительную часть ударов, сохранив спину своего носителя целой, треснул, и его содержимое тоже залило водой. Но скрученные спальные мешки не промокли, и Йен, сняв мокрую одежду со своего товарища, деликатно засунул его внутрь одного из спальников, предварительно обработав обожжённые снаружи руки. Что творилось в закрытых в кулаки ладонях, было сложно представить. После сталкер разделся сам, развесив промокшие вещи на воткнутых в землю палках или положив их рядом с каменным очагом на высыхающую землю.

Ночной горный лес не спешил беспокоить новоявленных туристов, держась подальше от всё ещё содрогающихся каменных стен. Патрулировавшая рядом хищница то и дело срывалась в тёмную чащу: то ли за собственным ужином, то ли отгоняя непрошенных гостей.

Как и сутки назад, два человека находились в круге тепла и света. Один всё так же лежал без сознания, но в этот раз был помещён заботливой рукой в безопасное сухое чрево, став подобием огромной куколки, собирающейся когда-нибудь стать необычной бабочкой. Второй также сидел в молчаливой медитации, положив рядом спрятавшиеся в ножны

клинки. Только в этот раз обнажённым был он сам, и верёвкой, удерживающей его лучше любых узлов, служил дружеский долг заботы о своём спутнике, благодаря которому они смогли покинуть бездонные пещерные лабиринты.

«Ты — горячий, я — холодный», — вспомнились слова с предыдущей стоянки. Йен потрогал лоб Кошечки: жар не отступал, но и не выглядел лихорадкой. Словно он только что вылез из раскалённой бани и не спешил отдавать впитанное в себя тепло, а, подобно кристаллам, сжатым в его руках, накапливал его внутри. Ситуация оставалась непонятной, но и не выглядела критической.

Ничего не в силах изменить, сталкер терпеливо сидел рядом с жаркими камнями, дразня своей голой кожей бродящий вокруг холод. Холод втыкал в него иголку за иголкой, но каждая из них ломалась о шрамы и закалённые мышцы. Жертва окончательно выпуталась из его цепких лап и к тому же спрятала от него другую добычу, укутав её в непроницаемый кокон. А вскоре к издевательствам над стариком-морозом присоединилось и встающее на далёком горизонте солнце. Прорывающиеся сквозь тучи и ночь светлые лучи, словно кнуты, хлестали надоедливого палача-иглотерапевта, в чьих услугах уже никто не нуждался.

К тому времени одежда успела окончательно просохнуть,

и Йен снова был во всеоружии. Ночь хоть и была для него бессонной, но спокойная медитация в тепле помогла восстановиться после прошедших безумных суток. Налитые из горных глубин лужи позволили обновить запасы, наполнив фляги кристально чистой и вкусной водой. Предстоящий путь оставался всё так же неизвестным и требовал от него собранности и готовности ко всему. Правда, тело, изрядно побитое водным потоком о каменные стены, не перестало болеть, и даже разминка не помогла вернуть полный контроль над мышцами и суставами, требуя осторожных и взвешенных действий.

Дежурившая рядом «волчица» не отходила далеко, но и не навязывала своей компании, сохраняя разумную автономность. Кощей всё так же дремал в своём мешке: дыхание его углубилось, пульс стал сильнее, но просыпаться он пока не торопился, продолжая своей беспомощностью ограничивать их дальнейшие действия.

Неожиданно хищница стала беспокойно метаться по сторонам. Она то и дело поднимала голову и вглядывалась куда-то в лесную чащу, наострив локаторы ушей. Это было не томительным ожиданием, это было напряжением перед неизбежной дракой. Где-то вдалеке, ниже по склону, начали взлетать в воздух крупные птицы и прочие летающие твари, побеспокоенные тем, что происходило у них под ногами.

Йен припал ухом к каменистой почве. Гора успела за ночь успокоиться, и в наступившей тишине были явственно

слышны далёкие удары лап о землю. Услышанный шум был, очевидно, движением каких-то крупных животных, возможно, тех же, что ранее загнали их в пещеры. Но главной его чертой было то, что эта вибрация была ритмичной. Она звучала не так, как несутся дикие звери — хаотично, вразнобой, где каждый сам по себе, — а так, как маршируют военные, двигаясь синхронно, нога в ногу.

Кто бы там ни был, они направлялись, очевидно, в их сторону: поднимающаяся над землёй дыра в каменной стене была заметна издалека и представляла собой прекрасный ориентир. Таймер обратного отсчёта до очередной опасной встречи вдруг затикал в ускоренном темпе.

Время до прибытия гостей ещё оставалось, но Йен понимал, что в текущем состоянии давать открытый бой будет чистым самоубийством. Тем более с бесчувственным Кошечем рядом, который и раньше не всегда мог о себе позаботиться, а теперь и вовсе был первой желанной мишенью.

Впервые в своей охоте он принял решение отступить. Оставалось только уладить сущий пустяк: что делать с неспешащим просыпаться попутчиком? Чисто технически его можно унести на спине, но в таком случае скорость и любая манёвренность упадут почти до нуля. Нужно было найти другой вариант.

Взгляд упал на крутящуюся рядом «волчицу», наострившую уши и напряжённо застывшую в ожидании скорой драки.

— Так, подруга, — сказал Йен, решившись на опасный эксперимент, — надеюсь, ты меня поймёшь правильно.

Вслед за этим подобрал большую рогатину — наломанные куски деревьев давали прекрасный выбор, — обстругал её ножом и, сняв с себя куртку, натянул её меж веток, просунув в каждую из них по рукаву: получилось вполне удобное ложе. Погрузив на него лежащего в своём мешке Кощея, он зафиксировал его остатком верёвки, сделав также петлю импровизированного хомута.

Хищница на удивление спокойно приняла вариант побыть ездовым животным. Возможно, совсем мелкие щенки перемещались верхом на своих матерях, подобно тому, как носят своих детёнышей опоссумы. Либо животное тоже хотело унести отсюда ноги, в очередной раз доверившись человеку. Впрочем, устраивала любая версия.

Йен вернул на место всё снаряжение, разобрал гревший их камин: поверхность камней, прижимавших осколок, заметно оплавилась, однако куски скалы разошлись без каких-либо проблем, с лёгкостью освободив ядро. Кристалл лёг в один из карманов на поясе, нож вернулся на нагрудный ремень, и сталкер шагнул в чашу, направившись вверх по склону. Сани с привязанным к ним Кошеем волочились вслед за послушно следующей по пятам хищной спутницей, которая, казалось, вовсе не замечала его веса.

Кто бы к ним ни приближался, вряд ли они искали именно их. Скорее всего, чужое внимание привлёк случившийся

катаклизм. А значит, в первую очередь следовало просто покинуть то место, оставив себе возможность понаблюдать за новыми гостями. В царящем вокруг бардаке и буреломе заметить следы их перемещения было нереально, но действовать надо было быстро и постараться самим не попасться на глаза.

Пока поднимались, случились первые хорошие новости.

— Йен, — прозвучал тихий голос Кощея, пришедшего наконец-то в себя, — возьми.

Он шевелился под замком спальника, не в силах выбраться наружу. Йен отреагировал мгновенно: потянул застёжку, дав свободное пространство. Кощей разжал кулаки, передавая на хранение лежащие в них кристаллы. К удивлению сталкера, состояние ладоней Кощея было не столь ужасным, как он ожидал: в центре правой ладони сочился кровью свежий рубец, оставленный пережатым в кулаке осколком, подушечки и пальцы были обожжены и воспалены. Но, видимо, ядра приняли на себя основную нагрузку, сохранив державшие их руки в относительной безопасности.

— Идти сможешь, братец? — спросил Йен, принимая вручённые ему осколки и рассовывая их по поясным карманам. И тут же закусил губу: Кощей едва мог шевелиться.

— Нужно время, — покачал тот головой, похожей на обтянутый серой кожей череп. И следом, едва заметно вытянув губы в улыбке: — Спасибо.

Роджер кивнул, позволив товарищу восстанавливать силы

в покое, и продолжил подъём. Ещё перед рассветом, одеваясь в сухое, он присмотрел этот вариант пути: их выбросило у отвесной скальной стены, но немного в стороне склон продолжал плавно подниматься вверх к следующему горному каскаду. Там можно было спрятаться как за деревьями, так и за камнями, оставаясь незамеченными снизу, и при этом видеть разрушенную поляну как на ладони.

Подняться успели вовремя. Найдя подходящее место, где их нельзя было бы обойти сзади, Роджер освободил от своей ноши хищницу, которая сразу стала в боевую стойку, нервно двигаясь из стороны в сторону. Спальный мешок с Кошечем опёрся на каменный валун: он находился в дремотном состоянии, иногда шевелясь и двигая руками и ногами. Так что Йен расстегнул его походную постель, дав возможное пространство для действий, если тот придёт в себя в какой-то неподходящий для всех момент.

После этого сталкер спрятался в густом кустарнике, слившись с местностью — в потоках горной воды маскировочный костюм избавился от ранее забившейся в него грязи, вернув себе все положенные защитные свойства, — и стал наблюдать за происходящим внизу.

На склоне показалось пятеро всадников верхом на тех же «волках», с которыми он сражался последние пару дней, и одна из которых сейчас дежурила с ним рядом. Звери послушно несли своих наездников, подгоняемые ударами ног в мускулистые бока. Верхом на животных сидели какие-то

гуманоидные существа. Та сотня метров, которая отделяла их друг от друга, не позволяла Йену рассмотреть всех деталей, но людьми они явно не были: слишком большие и вытянутые хищные морды, слишком крупное телосложение, руки и ноги были покрыты тёмной чешуёй. Их очевидную разумность подтверждало не только использование одежды из обработанной кожи, но и наличие инструментов и оружия: по бокам к шкурам, заменяющим сёдла, были приторочены сумки, а также длинные чёрные копья, топоры и мечи: всё из одного и того же материала. Каждый всадник имел разнообразный арсенал, и вооружены были все.

Ехали строем, по пути обмениваясь какими-то фразами: издали не было слышно ни слова, но раскрывающийся то у одного, то у другого похожий на клюв рот, а также активная жестикуляция говорили о том, что шла какая-то интересная всем беседа. Только один, двигавшийся позади всех, не принимал в ней участия, а внимательно сканировал местность, медленно крутя головой по сторонам.

Время от времени всадники останавливались, отвлекаясь на сваленные в кучу драгоценные камни, которых намыло водным потоком. Поковыряв их копьём и не найдя ничего интересного, группа двигалась дальше. Подъехав к проёму в стене, наездники спешили, а их звери послушно остались стоять на месте. Тот, что ехал позади всех, отдал какие-то приказы, отправив своих спутников в разных направлениях. Один полез в открывшуюся пещеру, ловко вскараб-

кавшись по стене. Другой отправился к поваленным деревьям, непринуждённо откидывая тяжёлые поломанные ветви и что-то выискивая под стволами. Третий и четвёртый пошли разбирать наваленные груды булыжников, легко швыряя крупные валуны, мешающие им пройти. Пятый продолжал стоять на месте, водя носом из стороны в сторону: то ли осматриваясь, то ли принюхиваясь.

Приехавшие аборигены определённо что-то искали в наваленных повсюду самоцветах, однако, судя по тому, что в стороны то и дело летели блестящие обломки самых разных размеров, их интерес был явно не в драгоценных камнях. И Йен гнал от себя мысли о том, что именно могло их сюда привести. Избавиться от неприятных догадок никак не удавалось.

Когда же, закончив безрезультатный осмотр, наездники направились к своим ездовым животным, один из них, разбавивший каменные завалы, вдруг с хриплыми криками устремился к своим соплеменникам, держа в руках крупный булыжник. Поднеся его к руководившему процессом поиска соратнику, они начали что-то внимательно изучать на его поверхности. Йен не мог увидеть, что именно их заинтересовало, но готов был поставить что угодно: прямо сейчас перед ними был один из тех валунов, которые служили ему ночью спасительным камином, и их взгляды устремились на тёмный рисунок оплавленного камня. Из которого, пронзила его догадка, и был изготовлен боевой инвентарь этой поисковой

группы.

Пятый всадник подошёл к своему «волку» и извлёк из сумки какой-то свёрток. Вернувшись к лежащему на земле камню, он достал большой чёрный нож, которым начал скрести по булыжнику, будто стирая с него прогоревший узор. Закончив, он залез в нательную сумку и достал какую-то странную подвязку, оказавшуюся чем-то вроде перчатки, которая была незамедлительно надета на правую руку. Опустив ладонь на обработанный булыжник, он сделал какое-то движение, и Йен явно увидел короткую вспышку, которая — он едва-едва мог это рассмотреть — стала еле заметным электрическим свечением вокруг одетой в перчатку кисти.

Все остальные всадники молча стояли рядом, не вмешиваясь и с интересом наблюдая за процессом. Вокруг руки, лежащей на скальном валуне, начала подниматься чёрная пыль, которую, по всей видимости, и соскребал пятый. Едва заметная издалека, она мрачной дымкой перекрывала искрящуюся в утренних сумерках руку и постепенно поднималась выше и выше, превращаясь из клубящегося облачка в вытянутую в воздухе стрелу. Стрела указывала в сторону прячущегося на возвышенности Йена.

Руководитель прибывшей группы дал сигнал, и все сели верхом, достали оружие и не спеша тронулись в путь. Со-

зданный из чёрной пыли компас едва достигал нескольких метров, и резкие движения, видимо, сбивали его настройку: управляющий процессом всадник двигался предельно плавно, боясь сделать лишний шаг, а его ездового зверя к нему подвели и заставили присесть, чтобы наездник занял своё место с максимальным комфортом. Когда кавалькада скрылась за деревьями, Йен уже планировал их встречу.

Будь рядом верный «Desert Eagle», бояться было бы нечего: на всех хватило бы одной обоймы. Впрочем, не факт, что эти визитёры были здесь одни, и следовало иметь в виду, что у других горных проломов, вполне возможно, также ведутся свои поиски: Роджер заметил, что где-то вдалеке снова стали срываться в воздух летающие твари, напуганные какими-то активными движениями внизу. Однако рассматривать, кто и куда там движется, было некогда: на свой подъём они с обездвиженным Кошечем потратили около десяти минут, и вряд ли тот отряд будет медленнее их.

Пятеро противников, все вооружены. Уровень их боевого мастерства оставался загадкой. Его преимущество — внезапность: можно занять место на дереве, устроить засаду, увести их куда-то в сторону. Его уязвимость — ворочающийся в раскрытом спальном мешке попутчик, протирающий глаза и беспомощно осматривающийся по сторонам: одного брошенного булыжника хватит, чтобы тот перестал шевелиться раз и навсегда. А неприятель был вооружён далеко не камнями и вряд ли настроен на какие-либо переговоры.

Рядом, хищно скалясь, скребла землю хвостатая спутница, настраиваясь на добрую драку. Ах да, ещё и «волки», которые, весьма вероятно, могли быть не только ездовыми животными, но и выполнять куда более кровавую работу. Итого вместо пятерых оппонентов сразу десять.

— Налетай по одному! — злобно улыбнулся Йен, залезая в поясной карман. В левую руку легли стальные рыбки метательных ножей: пять штук, если повезёт, то достанется каждому.

Когда из горной чащи, чудом уцелевшей в прошедшем ночью камнепаде, показался первый всадник, в воздухе сверкнула тусклая металлическая вспышка: заточенная пиранья, кувыряясь, устремилась в цель. Чтобы спустя долю секунды замертво упасть на землю, сбитая небрежным взмахом копья у самого лица наездника. Вслед за этим в свой полёт, одна за одной, отправились остальные четыре. Одна упала на землю, две едва поцарапали бронированную кожу начавшего свой разбег ящероподобного противника, а последняя на всю длину вонзилась прямоком в глаз, уронив его мешком на землю через пару шагов.

Минус один.

Однако, оправдывая самые неприятные ожидания Йена, «волк», потерявший всадника, не прекратил своего движения и в уже знакомой атакующей манере наметился на указанную ему цель, продолжая служить своему погибшему хозяину. Чтобы в следующую секунду быть сбитым с ног стре-

мительной атакой четырёхлапой боевой подруги, честно закрывающей свой долг. «Волчица» безжалостно вцепилась в горло не ожидавшего такого предательства соплеменника, лучше прочих зная, в какие места надо кусать, чтобы закончить бой быстро и наверняка.

Минус два.

Ехавшие позади напарники погибшего разведчика разделились на две группы. Тот, что с путеводной перчаткой, остался стоять позади, внимательно следя за разворачивающимися событиями. Трое других, обменявшись короткими выкриками, разошлись по сторонам, пришпорили своих «коней» и взяли синхронный курс на одинокого мечника — Йен к тому времени взял в каждую руку по клинку, — собираясь насадить его как чучело на опущенные чёрные копья, по которым также побежали электрические вспышки. В действиях всадников не было никакой суеты: будто подобные атаки они проводили по десять раз на дню, регулярно встречая ошетилившихся сталью воинов.

Ситуация стремительно заходила в тупик. Преждевременно смещаться в чью-то сторону, подрезая одну из атак, означало открыть себя с двух других флангов. Ждать до последнего, чтобы сделать неожиданный стремительный выпад, было слишком рискованно. К тому же позади Йена, также разделив их группу на две части, за происходящим настороженно наблюдал обессиленный Кощей, не имея никакой возможности помочь своим товарищам. И отойти в сторону

означало открыть его для атаки, где хватило бы мимолётного взмаха, чтобы отделить ему голову от тела или пронзить его как муху. «Волчица» топталась рядом и также не спешила выбирать себе цель, явно понимая всю проигрышность лобовой атаки, где её просто подрежут на лету, не дав ни малейшего шанса.

Неожиданно в бой вмешалась третья сила, на короткий миг склонив чашу весов в их сторону. За начавшейся суетой и шумом никто не заметил движений за деревьями, откуда чёрной тучей вылетел оскалившийся, выпустивший длинные когти дикий зверь, вернувшийся служить своему богу.

Минувшей ночью он сам получил отпор от своей соплеменницы, вставшей на защиту человека, пообещавшего вывести её из царства тьмы. А сейчас вожак потерянной стаи, нашедший дорогу к своему смыслу жизни, без жалости, без предупреждения бил в подставленный бок цели, бегущей на того, кого он сам выбрал защищать. Стремительный бросок из ниоткуда сбил одного из наездников и заставил двух остальных на секунду отвлечься, тем самым открыв Йену короткое окно возможностей.

Замахнувшись, он метнул, раскручивая, гладиус: не с целью попасть, а с целью отвлечь. Сам тем временем взял разгон на центрального всадника, становясь хищной птицей: лёгкий прыжок вперёд всем телом, быстрые рассекающие движения меча, половина которых призвана ослепить соперника, сбить его с толку. А вторая половина, прорезав кожа-

ную броню, выпустила наружу кишки, рассекла шею и горло, изрезала лицо, в один момент обрушив противника на землю, заставив его хрипеть и кататься в агонии.

Минус три.

Кувыркнувшись, подобрать упавший в траву меч, сбитый отразившим бросок копьем, развернуться, проскользнуть под летящей тушей ездового зверя, мстящего за своего потерянного наездника, выставив вверх клинок. Открытое удару брюхо расплзлось от шеи до хвоста, мгновенно залив всё под собой густой кровью и потрохами.

Минус четыре.

Одновременно с атакой Йена на центрального нападающего «волчица» кинулась на дальнего флангового, который также отвлекся на вылетевшее из кустов чёрное ядро, снёсшее их товарища. Но в последний момент тот увидел несущегося на себя зверя и взмахом оружия отбросил её в сторону. Затем спешился, оставив «волков» разбираться между собой, и с копьем наперевес направился к Роджеру.

Прибежавший из ниоткуда вожак, каким-то чудом сумевший отыскать их в последний момент, перегрыз горло сбитому с ног объезженному соплеменнику, сделав «минус пять», и теперь связал в поединке один на один его всадника, не позволяя тому сделать и шага дальше, охраняя вылезающего из своего мешка Кощея. В итоге поле боя разделилось на три части, где каждый был занят своим делом.

Последний член отряда наездников всё так же стоял по-

одадь, не вмешивался в происходящее и внимательно наблюдал, делая какие-то свои выводы. Возможно, будучи навигатором группы, в его задачи не входило участвовать в столкновениях, поручая это присутствующим рядом бойцам.

Всадники на поверку оказались достойными соперниками. Тот, что пошёл в атаку на Йена, умело парировал копьём все его выпады, не позволяя себя достать. Выше ростом почти на голову, шире в плечах, тяжелее и массивнее, он не уступал ни в скорости, ни в реакции и уж точно превосходил его в силе. Сталкер едва сдерживал ответные натиски, стараясь отыскать возможность вставить свой удар, но всякий раз натыкался на ураганную защиту, сбивавшую в сторону все его атаки. То ли сказывалось его собственное разбитое состояние и двое суток без сна, то ли противник действительно был хорош собой. И достанься Роджеру хотя бы пара из прибывших наездников, они давно бы прошлись по его остывающему телу, выпотрошив из карманов все осколки, за которыми прибыли.

Да и в текущей ситуации было неясно, как заканчивать этот бой. Удержать на земле сбитое копье не удавалось — не хватало физической силы, и соперник мгновенно разрывал дистанцию, совмещая круговые манёвры и удары противоположной стороной пики, также заострённой. Прорваться сквозь надёжную оборону, резко переходящую в контратаки, тоже не представлялось возможным — все движения Йена тут же считывались, а преимущество оппонента в росте,

длине рук и оружия не позволяли сблизиться, чтобы достать тонким жалом цзяня в открытые шею и лицо. Редкие скольльзящие удары по покрытым чешуйчатой бронёй рукам и ногам, казалось, не вызывали даже дискомфорта.

На помощь пришла сопровождавшая Йена хищница, сумевшая закончить свой поединок раньше остальных. Подкравшись сзади к нападающему на сталкера ящероподобному амбалу, она цапнула его за обнажённую икру, за что тут же получила очередной удар в бок. Взвизгнув от боли, она отлетела в сторону, но этой секунды хватило, чтобы Роджер незаметно сократил дистанцию и синхронным движением ударил гладиусом в живот, вогнав клинок по самую рукоять, а вторым мечом пробил череп снизу вверх, войдя в подбородок и выгнав остриё из макушки.

Минус шесть и минус семь.

Сталкер повернулся к последнему пятну сражения и увидел только его трагичное завершение. «Волк» доедал лицо своего врага, а тот на последних рефлексх, ухватив животное за шею и безуспешно стараясь отстранить его от себя, другой рукой методично загонял кривой кинжал под рёбра прижавшего его к земле зверя. Вожак, изрезанный со всех сторон, с тремя выколотыми глазами, заливал всё вокруг своей и чужой кровью и, казалось, не чувствовал боли, утоляя свой бесконечный голод.

Наконец рука поверженного бойца перестала двигаться, оставив чёрный нож торчать в боку животного, и он непо-

движно замер. «Волк» поднял голову и торжественно завыл, празднуя свою непростую победу.

Минус восемь.

Тогда же внимание Йена привлекло движение у кромки деревьев: последний из всадников начал манёвр, но не в их сторону, а в обратном направлении, собираясь покинуть арену битвы, закончившуюся для его отряда ничем. Но он совершил единственную ошибку: проехал несколько шагов вперёд, чтобы поднять с земли один из лежавших метательных ножей — для исследования, для доказательства или ещё не пойми для чего. Если бы он уехал сразу, то Роджер не успел бы подобрать копье и точным броском пригвоздить его к стволу, когда тот уже нырял в чащу. А так скрыться удалось только освобождённому от своего наездника зверю, который, пугая птиц на ветках, умчался вдаль.

Минус девять.

В неожиданно наступившем затишье громом прозвучал гулкий удар падения потерявшего свои последние силы «волка». Закончив свою жестокую трапезу, он, извернувшись, остервенело выдернул зубами торчавший в боку кинжал, едва не перекусив его на части. Затем, вывалив окровавленный язык, нетерпеливо сделал пару кругов на месте, высматривая новые цели, и вдруг, будто вспомнив, что весь изрезан на лоскуты, свалился на землю, продолжая истекать густой тёмно-красной кровью. Уцелевшие глаза смотрели по сторонам, пытаясь найти, за что зацепиться взглядом, бо-

ка судорожно дрожали, глотка надрывно хрипела: пробитым лёгким не хватало воздуха.

Это был славный бой. Это был хороший противник. Почти как тот, что когда-то резал сверкающими молниями его родных и детей, а сейчас стоящий рядом и готовый тусклой сталью оказать ему последнюю милость. Почти как старый враг, но другой. Новый противник знал, куда и как бить: не просто убивал, а подчинял, ломал, злил. Как подчинил и сломал тех братьев и сестёр, кто подставил им свои крепкие спины и отдал за них свои жизни, валяясь сейчас рядом, с таким знакомым, таким любимым запахом. Съесть этого противника было наслаждением, которое стоило всей той боли, что сейчас пронизала тело насквозь, готовясь сжать свои безжалостные челюсти в последний раз.

Над уцелевшим рептильным глазом, безумно вращающимся во все стороны, появилось улыбающееся лицо смерти, на морду легли горячие костлявые руки. Кошей, выбравшись из мешка, как был — голый, воспалённый своим странным жаром, — на четвереньках, царапаясь об острые камни, приблизился к упавшему наземь зверю и опустился перед ним на колени.

Зверь лизнул гладившую его ладонь, и язык обожгла раскалённая кровь бога, сочащаяся из рваной раны. Бог пришёл к своему послушнику, который до конца защищал свою веру, отыскав путь к нему сквозь непроходимые дебри. Бог был благодарен за верную службу, но уже не так, как это бы-

ло в той огненной пещере: меряясь своей силой, показывая всю ничтожность его звериных потуг выйти за границы очерчиваемого богом света. Бог благодарил за ту силу веры, что спасла его самого, пока он спал. Теперь бог пришёл отправить его в царство снов, где он сам будет чистым сиянием, побеждающим любой мрак. Бог пришёл сделать свой последний подарок, который не сможет повторить никто и никогда.

— Нож! — не попросил — скомандовал Кощей и протянул, не глядя на Йена, левую руку.

В хмуром утреннем свете полыхнул первый по-настоящему яркий блик. Рукоять боевого оружия легла в худую ладонь, сжавшую его с той же силой, как когда-то сжимала вручённый осколок. Полированное до зеркального блеска металлическое лезвие, не встретив сопротивления, вошло под нижнюю челюсть, и клинок отделил свет от тьмы.

Глава 2. Правила игры

Пока Йен осматривал поверженные трупы, Кощей собирал камни, возводя курган вокруг уснувшего последним «волка». Камней вокруг было много, и работа мало-помалу спорилась. Ра помогала как могла, подтаскивая в зубах увесистые булыжники и укладывая их в общую кучу.

После того как Кощей прекратил предсмертные страдания прибежавшего к ним на помощь вожака, «волчица» какое-то время ходила кругами вокруг да около, собираясь с чистой совестью скрыться в лесу. Заключённый с Йеном контракт был выполнен более чем полностью, и взаимно спасённые жизни друг друга были тому наглядным подтверждением. Однако, приняв какое-то внутреннее решение, она неожиданно легла рядом с Кошеем, прижав уши и о чём-то негромко заскулив.

— «Защита», — перевёл всепонимающий компаньон, подбирая и укладывая первые камни импровизированного надгробия. И, мотнув головой в сторону истерзанных тел, добавил: — От них.

Спутница предлагала новый договор. Сталкер к тому времени разглядел на звериных тушах обилие кривых порезов и шрамов, местами не до конца заживших. Получалось, что прибывшие всадники воспитывали своих животных исключительно кнутом, требуя беспрекословного подчинения при-

казам. И, покинув их скромную группу, бестия рисковала стать одной из тех, к кому скоро будут применены те же пытки, что заставили её родственников носить на своих спинах вооружённых наездников.

Йен пожал плечами и кивнул: — Договорились. Тем более что уже успели сработаться.

— Только, — добавил он спустя несколько секунд, — в этом случае нужно имя. Одно дело — выбраться из ямы и разойтись, а совсем другое — вместе идти неизвестно куда. Без имени здесь никак. Ты, братец, — обратился он к Кощею, — случаем не в курсе: зовут ли они как-нибудь себя и других? Или надо будет самим что-то придумывать?

— Зовут, — отозвался, не оборачиваясь, Кощей. — Её имя... — он поднял голову и издал короткий гортанный звук, смешавший в себе рычание и лай.

— Как-то сложно для произношения, — Йен поморщился, — но очень похоже на Ра. — Вслед за этим «волчица» наострила уши и, что-то прорывав, внимательно посмотрела на Роджера, будто поняв, что речь идёт именно о ней.

— Ей нравится, — прокомментировал Кощей и спросил: — Ра, поможешь?

Хищница без колебаний поднялась, отошла на пару шагов в сторону и, подняв зубами лежавший на земле некрупный валун, поднесла его к Кощею и положила на медленно растущий могильник.

Оставив товарищей заниматься погребением, сталкер

продолжил осмотр места боя. Привычные мусорщики не спешили заниматься уборкой тел, давая возможность внимательно рассмотреть детали.

Противники хоть и казались на одно лицо, всё же отличались друг от друга телосложением и обликом. Четверо из нападавших были мужчинами, и лишь у первого всадника, сражённого попаданием метательного ножа в глаз, отсутствовали выдающиеся достоинства под прикрытыми накидкой чреслами, обнаруживая противоположную анатомическую особенность. Будучи гуманоидами с проявленным диморфизмом, они явно не были млекопитающими — на груди и животе не удалось найти сосков или других кормящих желёз — и, как и прочие местные обитатели, смешивали в себе образы разных видов, больше напоминая бескрылых гаргулий.

Все имели крупные лысые головы на крепких шеях, лица совмещали рептильные, птичьи и звериные черты, создавая жуткий и в то же время красивый портрет: похожие на зубастые клювы рты, большие выразительные глаза под защитой надбровных дуг и полупрозрачных век, широкие ноздри, прижатые к затылку узкие ушные раковины. Никто не имел хвостов; предплечья, запястья, голени и линия позвоночника были защищены крупными роговыми наростами брони, и вся кожа покрывалась эластичной чешуёй, обнажавшейся на суставных сочленениях. Руки и ноги имели по четыре длинных пальца, заканчивающихся крупным острым когтем, и напоминали смесь птичьих и крокодильих лап: один па-

лец был противопоставлен трём другим, позволяя им пользоваться оружием и держаться при езде за шею своих скакунов.

Каждый, подобно Йену, был испещрён разнообразными шрамами, местами совсем свежими: укусы, порезы, ожоги, ссадины — тела представляли собой просто атлас пережитой боли, закалившей их до полной к ней невосприимчивости. На фоне хаотично разбросанных затянувшихся ран особое впечатление производили остроугольные узоры, украшавшие плиты грудных мышц, бицепсы, пресс, спину, бёдра. Какие-то элементы повторялись, выдавая обрядовые или возрастные отметки, какие-то были уникальны и рассказывали свою собственную историю их получения.

Несомненным признаком их цивилизованности были используемые вещи, которые оказались весьма продвинутыми инструментами. Сумки, одежда и заменяющие сёдла накладки были сделаны из дублёной кожи и украшены теми же остроугольными рисунками: свободное время на творчество выдавало развитое культурное общество. Но самый главный сюрприз преподнесло их оружие.

Получив возможность в деталях рассмотреть боевой инвентарь, Йен подтвердил свои догадки, обнаружив, что материалом для пик, мечей и топоров был тот же гранитно-металлический сплав, который удерживал третий осколок, выбитый из подземных каменных клыков. При этом сами предметы были не выкованы и не выточены, а фактически вы-

плавлены в готовой форме и представляли собой монолитные конструкции без каких-либо сочленений. Все однотипные изделия имели одинаковый вес и размер и отличались незначительными деталями вроде украшений на кожаной оплётке или полученными в боях повреждениями и сколами.

Изначальная форма выплавки была, судя по всему, достаточно грубой. Все орудия имели острые сбитые грани, ромбовидную симметрию узких рукоятей и не самую равномерную ширину и толщину. Что, впрочем, не мешало им быть бритвенно-острыми, легко разрезая древесину и разрубая кости.

Также на всех предметах была характерная выемка, повторяющаяся вплоть до детализированной внутренней фактуры и до боли размерами и текстурой напоминающая серые осколки, лежавшие прямо сейчас в его поясных карманах. Некоторые из слотов, в частности на всех копьях, были заткнуты и затянуты кожаными ремнями. Йен поднял одно из них и нажал на выступающий бугорок: в тот же момент по оружию заструились электрические разряды, гневно царапая руку.

— Ого, технология! — с уважением прокомментировал обнаруженное открытие Йен. — Дай-ка угадаю, что там у тебя под капотом.

Размотанная оплётка обнажила пробку из того же гибридного сплава; вынув которую, сталкер нашёл кожаную, в тёмных опалинах, подложку с крошечной, едва заметной пылин-

кой, тускло сверкающей в лучах медленно поднимающегося солнца. У кого-то было только одно «заряженное» оружие, кто-то нёс с собой два и более. Возможно, количество выданных драгоценных крошек, усиливающих мощь арсенала, могло служить чем-то вроде боевого ранга. Погибший в бою «волк» сцепился с тем, кто нёс с собой четыре «искры»: во-
жак стаи выбрал цель согласно своему статусу.

— Джекпот! — Догадки сложились в общую картину, но особой радости почему-то не вызывали: одно дело — ломать на части ни в чём не повинную гору, и совсем другое — соваться в осиное гнездо. Где главное сокровище, очевидно, не просто охраняется, а активно используется, да ещё и ведутся поиски других осколков.

Видимо, имеющееся у них ядро было когда-то обнаружено при похожих горных катаклизмах, и теперь на случившееся извержение, потрясшее округу, были направлены поисковые отряды с конкретным заданием.

А это означало, что невозвращение одной из групп будет для остальных тревожным знаком, и пропавших соплеменников наверняка отправятся искать. То есть при следующей их встрече всадников, скорее всего, будет уже не пять, а гораздо больше.

Снова включился невидимый таймер обратного отсчёта. Не такой стремительный, как полчаса назад, но всё так же неумолимый. А хищная стая, которая придёт мстить за погибших товарищей, окажется не просто зубастой и клыка-

стой, а вооружённой и с отличной боевой и строевой подготовкой.

Йен отогнал преждевременные мрачные мысли. Время, чтобы покинуть место сражения, ещё было: при дождливой и сырой погоде с переменчивым ветром их нельзя будет найти ни по запаху, ни по следам, которые не оставались на каменистой почве. Конечно, был ещё вариант с той самой перчаткой, что указала к ним направление с поляны, но тут вмешивались факторы расстояния, достаточного количества чёрной пыли для их поисков и прочие нюансы, которые, скорее всего, играли им на пользу. Также новоприбывшим будет неясно, кого надо искать: свидетелей, кроме сбежавшего зверя, не осталось, а из всех следов, которые бы показывали на аномальность случившихся здесь событий, — только идеально гладкие тонкие порезы да насыпанный Кошчем курган, скрывший под собой растерзанное тело животного.

Получалось, что странностей всё же более чем достаточно. Да, нельзя было измерять чужие детективные способности своими собственными навыками, но и думать плохо о противнике тоже было нельзя. Впрочем, ничто не мешало усложнить будущую поисковую задачу и ещё спутать следы.

Йен поднял разбросанное вражеское оружие и повторил пробитые им раны, оставив новые характерные рваные края: на тот случай, если падальщики не успеют всё съесть. После этого вернул себе разбросанные по земле метательные ножи, за последним подойдя к прибитому им к дереву последнему

наезднику, не успевшему вовремя сбежать.

В натальной сумке была обнаружена та самая перчатка: в аккуратно выбитых пальцевых накладках с фигурной угловатой гравировкой, соединённых кожаными шнурками, сверкали маленькие огоньки. Шесть пылинок на один прибор — дорогая по местным меркам вещь. По всей видимости, замыкание общей цепи создавало какое-то электромагнитное поле, с которым вступала в хрупкий резонанс пыль нагара, оставшегося на оплавленном камне. Получалось, что прибывшие не только искали вполне конкретную вещь, но и знали, как её искать, и имели специально созданный для этого инструмент.

— Час от часу не легче, — напряжённо сказал он, планируя последующие действия.

— Что узнал? — прозвучал за спиной вопрос. Кошей закончил хоронить погибшего вожака и спешил включиться в текущую ситуацию. Получалось с трудом: он едва стоял на ногах, но изо всех сил старался вернуться в строй.

Йен рассказал ему все сделанные выводы и показал найденные в оружии драгоценные крошки. Кошей, выслушав всё, тоже погрузился в раздумья, разглядывая блистающую капельку, бережно трогая её пальцем.

— Есть понимание: кто это? — вопрос Йена звучал вполне уместно. Если для Кошей «здесь» — это, как он сам сказал, «дом», то вполне вероятно, что с этими бойцами он уже сталкивался. Если, конечно, помнил об этом.

— Драконы, — к удивлению сталкера ответ прозвучал почти незамедлительно.

— Откуда знаешь? Встречался с ними раньше? — в голосе воина звучало нетерпение.

— Нет, не встречался. Не помню, — Кощей привычно пожал плечами. Затем добавил: — Они так о себе говорили, я слышал. Только у них это звучит иначе. — Он издал рычащий клёкот, похожий на тот, что выкрикивали всадники, обмениваясь фразами перед атакой. — Но из твоих слов лучше подходит именно «драконы». Я их одинаково вижу.

— Ну что же: драконы так драконы. На них похоже, — Йен принял услышанную версию. — А что они ещё говорили?

— Немного: «окружай», «бей», «там», «туда». Этого зовут Аргл, — он указал на противника, которого Роджер убил двумя мечами. — Этого — Гзал, — палец переместился на центрального, которого Йен обезобразил до неузнаваемости десятками порезов. — Он к ним так обращался, — палец направился на третьего всадника, которого прикончил погибший в схватке «волк». — Больше я не слышал, — подытожил Кощей свои наблюдения.

Роджер постоял ещё несколько секунд, а потом забрал у Кощей выданную ему крупинку и пошёл возвращать её в разобранный оружье, наматывая ремни на место.

— Что ты делаешь? — Кощей имел полное право узнать подробности.

— За оружием, скорее всего, придут. Для них это ресурс не менее ценный, чем живая сила. Пылинки эти выдают не всем и не каждому. Если бойцы не вернутся назад, то они или дезертировали, или их кто-то убил. Возьмём блестяшки с собой, и получится, что здесь конкурирующая группа, которой нужны те же сокровища. А значит, усилят охрану и патрули. А так — драка и драка. Может, сами с собой переругались, может, ещё что случилось. В любом случае искать пропавшие ценности не будут, поэтому у нас больше шансов уйти. По пути поймём, что делать дальше.

— А с этим как поступить? — Кощей указал на насыпанный курган, заметно выделяющийся на залитой кровью полянке.

— Оставь. Пусть сами думают, что это значит. Нам лучше выдвигаться, время не на нашей стороне. Сам идти сможешь?

Кощей с сожалением покачал головой, попутно пытаюсь согреть себя худыми руками. Сталкер мысленно хлопнул себя по лбу и полез в рюкзак: «Держи, уже сухое». Неясно, насколько сильно его спутника согревал термокостюм, но в нём он явно чувствовал себя лучше.

Пока Кощей облачался в одежду, Йен разобрал и выкинул подальше «сани», прицепил на ремень скрученную верёвку, убрал в треснувший рюкзак спальный мешок и вернул себе куртку. После прошёлся мимо убитых животных, снял пару ездовых накидок и скомандовал:

— Ра, ко мне!

«Волчица» послушно подошла, демонстрируя полное понимание происходящего, и замерла, позволив Роджеру укрепить на себе импровизированное седло. Пошатываясь, к ним приблизился одетый Кощей и взгромоздился на крепкую спину хищницы, подписавшей себе новый контракт: возить всадников по согласию, а не по принуждению.

Жаркий бой и адреналин в крови заглушили охотнику ноющие синяки и вернули бодрость духа и ясность мысли. Действовать следовало быстро. Спускаться в низины было опасно: противник пришёл именно оттуда. А значит, надо держаться верхних склонов: обеспечить обзор себе и быть незамеченными снизу. Ра давала им мобильность, запасы еды и воды ещё были. Сейчас требовалось выиграть время и дистанцию, действуя из того факта, что о них никто ничего не знал.

Мирный поход угрожал превратиться в войну.

Двигались комфортно и быстро. «Волчица» не только безропотно несла дремлющего всадника, но и создавала своим присутствием ауру безопасности: никто из местных обитателей не рисковал броситься на идущую в неизвестность странную компанию. Либо же срабатывал паттерн узнавания: вооружённый наездник со своим зверем — это всегда не к добру. Тот факт, что «наездник», «зверь» и «вооружённый» в

текущей ситуации разделялись на три отдельных сущности, похоже, никого не смущал: в здешних местах, видимо, и не такое случалось.

Как бы там ни было, по пути им никто не мешал, что нисколько не снижало настороженность Йена, который регулярно делал короткие паузы и осматривался по сторонам, пытаясь заметить следы погони. Но горный лес жил своей привычной жизнью, не показывая никаких признаков неожиданной опасности.

Двигались всё время в одном направлении, по ходу движения солнца. По сторонам до самого горизонта всё так же тянулся густой лес, с регулярными скальными выступами и какими-то пустотами: другая сторона горы была сестрой-близнецом той округи, откуда они сюда пришли. Разве что по ту сторону звери бегали сами по себе, а здесь эволюция сделала огромный скачок вперёд, не успев ещё сожрать собой весь остальной мир.

Кощей всю дорогу клевал носом, намертво вцепившись в обтягивающие Ра кожаные ремни, и поход проходил в тишине, давая возможность сталкеру подумать над дальнейшими действиями.

Пару раз делали привал. Йен с Кошеем восстанавливали силы запасами из рюкзака, а «волчица» отлучалась по своим охотничьим делам в чащу, наводя там шороху, и возвращалась, довольно облизывая окровавленную морду. А после продолжали путь.

На одной из остановок прозвучал резонный вопрос:

— Йен, ты что-нибудь придумал?

— Скорее нет, чем да. Версий немного, и все упираются в здравый смысл. Самый простой вариант — «взять языка» и как следует его разговорить. Ты их понимаешь и сможешь перевести. Но, во-первых, не факт, что получится захватить кого-то живым: бойцы они будь здоров и сражаться готовы до конца. А во-вторых, судя по тому, что я видел, к боли они привычные, так что даже если и удастся кого-то поймать, то пытаться будет, скорее всего, бессмысленно. И сильно сомневаюсь, что получится кого-то уговорить на добровольную помощь, как на это согласилась наша девочка, — Ра наострила уши и мельком глянула на Роджера. Похоже, что не только Кощей понимал смысл всех слов.

— А к ним точно надо идти?

— А сам как считаешь?

Кощей замолчал, сосредоточенно жуя кусок питательного батончика. Наконец, взвесив все варианты, решительно, почти обречённо, произнёс:

— Да, надо.

— Вот и я считаю, что надо. Я вообще думал, что после пещеры всё закончится. Уж слишком оно стремительно разваливалось на части, как и полагается в конце пути. А на деле всё самое интересное только начинается.

Какое-то время сидели в тишине, затем Йен снова взял слово:

— Для начала надо бы узнать, где и как они живут. Судя по солнцу, мы пришли с той стороны, — сталкер махнул рукой назад, где остались заболоченные пустоши с гигантскими полипами и лесные чащи, полные хищных растений, животных и кричащих чистым страхом виверн. — Поэтому пока двигаемся поверху и смотрим по сторонам: ищем что-то необычное. Вряд ли мы их пропустим: там наверняка будут и костры, и жилища, и прочие признаки цивилизации. Главное — самим не попадаться на глаза и не привлекать внимания.

Кощей кивнул, соглашаясь с услышанным. Роджер продолжил:

— Ядро у них только одно — это видно по одинаковой фактуре «гнезда». И от него потихоньку отщипывают кусочки. Значит, для них эта процедура будет особенно важна: думаю, что-то типа ритуала для отличившихся. Те бойцы, что на нас вышли, вполне вероятно, какой-то элитный отряд: половина были заряжены почти полностью, включая того — с перчаткой. Если у них все такие, то у нас серьёзные проблемы. Но сомневаюсь, что это так: воинами не рождаются, воинами становятся. Шрамы, узоры на теле, ранения — всё это признаки существующей системы подготовки: а значит, будут вылазки, задания, обряды, инициации. Где-то там можно будет и «языка взять», и что-то получше узнать. Будем решать задачу постепенно, как нас в школе учили. — Последняя фраза уронила на лицо Йена грустную улыбку, полную спрятанной благодарности за все усвоенные им уроки.

— А как потом его забрать? Ядро, — ещё один закономерный вопрос, подводящий итог всем рассуждениям. — Их там будет не пятеро, они там будут все.

— Пока не знаю. Слишком рано об этом думать. Падать им на голову и махать мечами перед носом точно никто не собирается. Может быть, получится выкрасть ночью и тихо уйти. Может быть, устроим какой-то отвлекающий манёвр. Может быть, что-то полезное найдём по пути. Вариантов, как я сказал, немного, и все они упираются в здравый смысл. — Йен закончил разговор тем же, с чего начал.

И пока Кощей доедал свой обед, он достал из треснувшего рюкзака точильный набор и обновил лезвия клинков. Несмотря на отсутствие намерения махать мечами без нужды, держать оружие в боевом порядке было первой и главной необходимостью в их непростом пути.

Едва они снова отправились в дорогу, Кощей, покачиваясь верхом на Ра, словно боясь забыть что-то важное, торопливо спросил:

— А что происходит, когда кто-то умирает?

— Того хоронят, или сжигают, или оставляют гнить, а сами живут дальше, — скучно ответил сталкер, даже не пытаясь уточнить, что имеется в виду. Впрочем, Кощей этот вариант не устроил.

— Нет, я имею в виду: что происходит с теми, кто умирает?

Йен не сбавил шага и не повернул головы, видимо, заранее

предчувствуя, к чему всё идёт. Вместо этого прозвучало:

— Ты сейчас затрагиваешь тему, вокруг которой целые цивилизации строятся, рассказывая про это каждая на свой лад. И то, что я тебе могу ответить, вовсе не обязательно окажется действительной правдой.

— Всё равно Расскажи.

— Ну хорошо. У меня есть две версии: которую я понимаю, и которую я чувствую. Они друг друга не исключают, но каждая немного о своём. Тебе какую?

— Обе! — Кощей даже оживился, скидывая с себя дремоту и усталость. — Начни с той, которую понимаешь.

— Хорошо, — смиренно согласился Роджер, — но ты должен знать, что всё то, что я тебе сейчас расскажу, станет как основой твоих последующих решений, так и непосредственно повлияет на то, что случится конкретно с тобой, когда ты умрёшь. Потому что пока ты ничего этого не знаешь, у тебя может случиться всё что угодно. А после — всё дальнейшее будет зависеть только от тебя, без каких-то там «может быть» и «или-или». Ты на это согласен?

Неожиданный встречный вопрос поставил Кощея в тупик. Право выбора, последствия которого сокращают пространство возможностей до одного единственного неизбежного варианта, — это всегда очень непростое действие, к которому надо относиться крайне серьёзно.

— Согласен, — наконец прозвучал ответ: словно положил голову на плаху.

Всё так же, не оборачиваясь, Йен начал:

— Не будем принимать во внимание самую очевидную материалистическую версию, что «потом не будет ничего», и попробуем свести к общему знаменателю принципы всех культурно-исторических трактатов о том, что происходит после смерти. Тогда самым закономерным получается вывод, что после смерти любое осознающее себя существо переходит в то состояние, в которое оно верит. Таким образом, пространство посмертного перехода подготавливается ещё при жизни, в ходе которой происходит нужная настройка восприятия и узнавания. Что осуществляется за счёт применения различных практик познания, включающих в себя изучение соответствующих инструкций и писаний, а также взаимодействие с другими личностями, обладающими той же верой, и через неё трактующих происходящие в жизни события.

Монотонная речь Роджера звучала так, будто он повторял когда-то хорошо заученный материал. Он отвечал на поставленный вопрос буквально, нимало не заботясь о том, как именно его слова будут поняты. Раз уж Кощей видит все заложенные в слова смыслы, значит, надо говорить строго по существу, не приводя долгих и размытых примеров из тех бесконечных описаний «как надо правильно жить», которые создавались всеми на свете религиями.

— Ключевым фактором, — продолжал он, — здесь является понимание того, что под словом «вера» подразумева-

ется не пассивное переживание и бескомпромиссное принятие предлагаемых объяснений. Вера — это активный мыслительный процесс, который через внутренний диалог создаёт и поддерживает картинку непрерывно наблюдаемой реальности. Таким образом, используемая «вера» начинает объяснять события, формировать ожидания, вносить готовые термины и суждения. То есть фактически выступает в качестве смысловой линзы, которая для каждого индивидуального сознания, наблюдающего реальность через эту «веру», дорисовывает недостающее или стирает несущественное. Тем самым каждое сознание автоматически объясняет себе правильность и неправильность происходящего, с которыми происходит согласие или создаётся конфликт, требуя защищать используемую «веру».

Йен настолько погрузился в себя, извлекая из памяти предельно точные формулировки, что перестал следить за дорогой. В любой другой ситуации это могло стоить ему жизни. Но шагающая рядом Ра, послушно держа на своей спине слушающего во все уши Кощея, приняла у него эту вахту дежурства и своим агрессивным рычанием и грозным видом отгоняла возможные опасности с их пути.

— Следовательно, можно говорить о том, что любое сознание в ходе проживания своей жизни самостоятельно формирует для себя то состояние, которое оно будет воспринимать и узнавать после физической смерти тела, называемого «собой». Ключевым ограничителем в реализации этого пе-

реживания является наличие чувства страха, который в общем случае всегда сводится к страху смерти. То есть, какой бы ни была «вера», если сознание испытывает страх, то оно в нём и останется, и будет развивать и усиливать его до момента понимания того, что оно само и является для себя же источником этого страха. При этом процесс преодоления чувства страха через любые формы познания себя и наблюдаемой реальности — это и есть тот самый процесс укрепления своей «веры». И чем быстрее исчезает страх, тем сильнее становится акт верования, от которого зависит всё остальное.

Несколько шагов прошли в молчании, ставшем таким странным после столь глубокого погружения в произносимые слова и смыслы. Сталкер о чём-то размышлял, вспоминая и собираясь с мыслями, затем продолжил:

— Смерть есть непосредственное продолжение жизни и создаётся всем индивидуальным жизненным опытом, веруя в правильность совершаемых действий. Однако, какой бы ни была «вера», для сознания всё равно первичным остаётся внутреннее знание о том, что его ждёт. Это знание проистекает из совершения действий, которые поддерживают противоречие и несогласие с имеющимися убеждениями и личными ценностями. Таким образом создаётся внутренний конфликт, в котором управление на себя берут чувство вины, попытки самооправдания и прочие признаки нечистой совести. Фактически происходит неприятие собственной лично-

сти как «хорошей», «правильной», что приводит к называнию себя «виноватым», «плохим», со всеми последующими способами это как-то исправить. В конечном счёте сознание, точно зная, что им было сделано вразрез с собственными представлениями о правильном и неправильном, формирует себе всё требуемое множество переживаний. Где будет место самобичеванию, искуплению, смирению или вечным мукам, длящимся ровно до момента осознания этих причин и следствий и прощения себя за совершённые ошибки. Во что бы ты ни верил, ты всегда точно знаешь, что тебя ждёт за то, что ты делаешь, потому что сам себе это постоянно объясняешь и рассказываешь. И ты это или принимаешь и готов к встрече с собственноручно созданными последствиями, или продолжаешь и дальше вести борьбу с самим собой, в которой никогда не будет победителя.

Йен сделал паузу и, после пары шагов в тишине, остановился, повернулся к Кощею и, внимательно глядя ему в глаза, произнёс:

— При этом то, что называется «грехами», наличие которых приводит к обнаружению себя в мучительном аду, по сути своей является различными ментальными и эмоциональными артефактами и искажениями. В общем виде к ним можно отнести чувство вины, сожаление, привязанность, стыд, гнев, обиду, зависть и подобные им состояния, заставляющие сознание панически бояться жить или умирать. И этот самый мучительный ад существует не только в

посмертном состоянии, а начинается ещё при жизни, в ходе которой эти ошибки накапливаются, но не осознаются и не исправляются. Оставаясь в проживании этих чувств, сознание самостоятельно создаёт себе полный набор как заслуженных наказаний, так и требуемых им искуплений. То есть создаётся самодостаточный замкнутый цикл, поддерживаемый внутренним согласием с теми правилами, по которым проживалась конкретная жизнь. Сами правила при этом могут быть любыми, но все они сводятся к тому, каким образом внутри личности даётся ответ на вопрос «кто я?».

Наступила тишина, давая понять, что мысль была завершена. Кощей не спешил с ответом, прокручивая в себе услышанное.

— Теперь я понял, почему ты у меня спрашивал согласия это мне рассказать, — наконец прохрипели его с трудом подбираемые слова, — это не так просто понять, и ещё сложнее это принять. Я не жалею о том, что это спросил, но теперь мне надо решить, как со всем этим поступить.

— Я могу тебе рассказать трактовку, которую я чувствую. Возможно, она тебе что-то подскажет, — Йен позволил себе поддерживающую улыбку, понимая, какой груз только что передал своему попутчику.

— Расскажи, — Кощей вдруг стал отстранённым, погружаясь в переживания и эмоции от только что полученного откровения.

— Это было где-то десять лет назад, я тогда как раз ушёл

со службы и первый год жил и осваивался на «гражданке», — сосредоточенный лекторский тон вдруг сменился тёплой волной, наполняющей живыми красками каждое слово. — У меня тогда, помнится, спину что-то прихватило, и друзья познакомили с Аней. Она держала чайную лавку, я у неё ещё закупался регулярно, и массажный кабинет был тут же. Она была прекрасным человеком, удивительным: смелая, сильная, мудрая, весёлая, поддерживающая. Всегда было о чём поговорить за чашкой чая и что-то интересное от неё услышать. Хотя, казалось бы, я к тому времени уже знал всё, что можно и нужно.

Йен поднял глаза к небесам, что-то в них разглядывая. Его всегда сосредоточенный взгляд вдруг стал необычайно грустным. Но это была не удушающая тоска, а тёплая, бережно хранимая печаль, когда-то подарившая ему что-то очень важное.

— Семья у неё была отличная: воспитывала сына и дочь, тоже со всех сторон достойные молодые люди. Я всего несколько раз с ними встречался, но там сразу было видны и характер, и качества, и сила. И вот как-то раз, помню, это пятница была, друзья мне звонят: «Ты про Аню слышал? Разбились с сыном сегодня утром. За город рано утром поехали. Туман был, им на встречу кто-то выскочил, и лоб в лоб столкнулись. При этом в той машине вроде как переломами да царапинами отделались, а они с Николая там и остались. Тела вырезать из тачки пришлось. Послезавтра похо-

роны». А я на завтра к ней на сеанс записан. И чай как раз заканчивался, а она какой-то новый вкус обещала эксклюзивно привезти.

Йен глубоко вздохнул, но после улыбнулся своим словам и мыслям.

— Казалось бы, банальщина! Но именно такие банальные вещи почему-то вдруг ценятся больше всего. При этом, что характерно, к тому, что рядом кто-то умирает, я как-то привык. У нас в отряде «двухсотые», конечно, были редкостью, но всё же случались. Но и там я знал и понимал, почему кто-то умер, как и за что. И что теперь с ним будет, и что будем делать мы. А здесь — представляешь? — в первый раз растерялся. Еду в метро — какие-то дела в течение дня — а в голове только и мысли: и что дальше? И где ещё таких людей встретишь? И где они теперь будут? Во что они верили и куда ушли?

Он повернулся к Кощею, который, широко распахнув глаза, предельно внимательно внимал каждому слову. Тот растерянно замотал лысой головой, показывая, что не знает ответов на эти вопросы.

— И вдруг понимаю, что я теперь точно знаю, куда они ушли и где теперь они будут жить. И ответ простой такой, очевидный: в моих воспоминаниях, в моих мыслях, в моих чувствах, в моём сердце. И в мыслях, чувствах и воспоминаниях всех тех людей, которые их знали, их ценили, их уважали. И кто будет добрым словом их вспоминать, приводить в

пример себе и другим. И кто своей собственной жизнью будет оживлять их души, сохраняя внутри себя самый тёплый уголок, полный счастья и любви. И тогда получается, что не так важно, в самом ли деле какая-то там вера создаёт тебе твой личный ад и рай. Тот же ад тебе могут обеспечить гневные мысли твоих недругов и завистников, которые собственноручно будут варить тебя в котлах, разогреваемых их личной ненавистью, неприязнью и болью. А они в том аду будут самые главные черти. И тот же рай будут создавать сердца и мысли друзей, хранящих о тебе добрую память и свою любовь и благодарящих тебя за эти мысли и чувства.

Йен остановился и замолчал, переводя дух. Ра стала рядом, ожидая команды для дальнейших действий.

— И ты знаешь, когда я это понял, вдруг так легко стало, так понятно. Сажу в вагоне, где-то глубоко под землёй, и улыбаюсь. И если бы кто спросил тогда: «А чему это я так улыбаюсь?», то ответ был бы более чем странный: «Да так, друзья у меня умерли». Никто не поймёт такой реакции: не так обычно встречают чью-то гибель. А я тогда для себя самые главные ответы нашёл. И ответы эти стали моей самой главной благодарностью им за эту смерть, самым тёплым чувством, которое я вообще когда-либо испытывал.

С последними словами налетевший порыв ветра снова вернул Йену привычное лицо: собранное, сосредоточенное, готовое к любым неожиданностям. Сделав пару глубоких вдохов, он в привычном ритме шагнул вперёд, показывая,

что сказал всё, что нужно, и этот разговор окончен.

— Йен, — долетел до него сломанной веткой голос приходящего в себя Кощея. Сталкер обернулся, глядя в благодарные глаза своего спутника, — мне стало понятно. Я увидел. Спасибо.

Остаток дня прошёл без происшествий. После всех разговоров Кощей всё так же дремал, сидя верхом на мягко ступающей по земле Ра. Йен, то и дело оглядываясь по сторонам, выбирал восходящие или нисходящие тропы, путая следы. Путь оставался чистым и безопасным. Гора окончательно успокоилась, прекратив ссыпать с себя камни, и им также не встречалось расщелин ночного извержения: видимо, выбросивший их проём был самым крайним. А также, возможно, что и отряд разведчиков был единственным, уже завершившим свой патруль по маршруту дежурства, и новой погони можно было не ожидать.

В любом случае выигранное расстояние выглядело безопасным, чтобы сделать привал и устроиться на ночлег. Несмотря на отсутствие каких-то потасовок, Йен чувствовал себя измотанным и нуждался в отдыхе.

Для стоянки выбрали небольшое плато, упирающееся в высокие горные стены, на котором нашлась пустая и довольно просторная расщелина. Клубящиеся облака, скрывающие

вершины, стали чуть ближе, но оставались всё ещё недостижимыми, кружа голову своим грозным видом. Далёкий вид позади скрывался в падающих на землю густых сумерках, быстро превращавшихся в ночь. Кощей окончательно выпался, практически полностью восстановив силы, и завершающую часть пути шёл своим ходом, немного снизив общий темп, но старательно поспевая за всеми. Ра, избавившись от наездника, время от времени срывалась куда-то в кусты: то ли кого-то преследуя, то ли кого-то отгоняя.

Ни костра, ни каменного камина решили не ставить: в ночной тьме любой свет стал бы замечен издали и свёл бы к нулю всю ту маскировку, что они старательно держали в течение дня. К тому же внутри грота было сухо и безветренно. Набегающий холод, вернувшийся со своими острыми иглами, вдруг обнаружил свою беспомощность перед воспрявшим духом худосочным мужчиной, неподвижно смотрящим в густой мрак, в который изредка пробивались искры далёких звёзд, и закованным в броню плотной одежды воином, разогретым дальней дорогой.

Жар Кощей практически полностью прошёл, и его самочувствие и настроение заметно улучшились. Его уже не шатало, когда он стоял на ногах, а взгляд стал осознанным и жёстким: видимо, размышления о сложившейся ситуации, на которые у него было полно времени в пути, настроили его на решительный лад, где не было места панике и растерянности.

Йен сначала предложил спать по очереди, но Кошей отказался, сказав, что достаточно выспался по дороге. Поэтому он останется дежурить на ночь и в случае необходимости поднимет тревогу. Роджер согласно кивнул и стал готовиться к отдыху: достав оба спальных мешка, повторил ту кровать, на которой засыпал несколько дней назад, аккуратно перед встречей с гигантским полипом. Только теперь неожиданная начинка того монстра сидела с ним рядом и намеревалась охранять его покой.

Перед сном сталкер собрался помедитировать и, уже сняв с себя оружие, опустил на колени и закрыл глаза, как его планы нарушил неожиданный вопрос, который, казалось, и терзал Кошею весь его молчаливый вечер.

— Йен, а что будет, если Образ не удастся разрушить?

Отрезвляющая, понятная, практичная тема, очень уместная в текущей ситуации. Предстоящее сражение с целым войском уже выглядело как чистой воды самоубийство. А то, что Йен успел рассказать о природе окружающей действительности, в самом деле требовало уточнения: что будет дальше. Так что Кошею можно было понять.

Воин не спешил с ответом. Он продолжал сидеть в той же позе, не открывая глаз, медленно и глубоко дыша. Кошей, зная, что он был услышан, терпеливо ждал.

— Я не знаю, — наконец прозвучали слова, ещё более холодные, чем гуляющий рядом ночной мороз-иглотерапевт. — Более того, не я решаю, когда будет рушиться Образ и ру-

шится ли он вообще.

— То есть как это? Ты же сам говорил, что когда проходишь все сложности, то Образ рушится и исчезает!

— Да, именно это я и говорил. Но Образ рушится и исчезает для меня и той цели, вокруг которой Образ был создан. Можно в равной степени говорить, что это меня выбрасывает из Образа, а сам Образ остаётся. Я же говорил, что Образ — это...

— То, что есть на самом деле. Я помню... — Кощей в своём нетерпении явно прятал сильное беспокойство.

— Помнишь, но не понимаешь, — всё те же ледяные слова остудили жаркое возбуждение компаньона. — Образ — это идеальный мир: он есть всегда, он всегда одинаков, и для каждого он свой.

Кощей поперхнулся словами. Количество парадоксов, которые могли быть им поняты, превысило все пределы, и он на какое-то время замолчал, осмысливая услышанное. Йен продолжал сидеть, не открывая глаз и погрузившись в то внутреннее пространство, что существовало только для него одного.

— Опять не понимаю, — Кощей внимательно сопоставил все разговоры на эту тему и упёрся в новые противоречия. — Ты же сам говорил, что Образы разные — то осада крепости, то одинокая башня. А теперь говоришь, что он — одинаковый. Как такое может быть?

— Башня остаётся башней, крепость остаётся крепостью.

Образ про башню и крепость остаётся самим собой. Когда бы ты в него ни вошёл, ты попадёшь в ту же башню и в ту же крепость. Но каждый будет видеть там что-то своё: замечать одно и пропускать другое. Кто-то будет ходить вокруг башни, кто-то поднимется на самый её верх, а кто-то и вовсе не заметит, что она здесь стоит. Способность увидеть суть Образа, понять его природу — это ключ к тому, чтобы этот Образ разрушить. Так как ни один Образ не выносит разоблачения. Понимание Образа — это путь к разочарованию им, поскольку всё могущество Образа строится на том, чтобы им любоваться или с ним конфликтовать — то есть придавать ему ту или иную ценность.

Холодные слова, произносимые в сгустившейся темноте, звучали жестоко и больно. Так говорят: «Я тебя не люблю» человеку, с которым вместе прожили много лет, построили дом и воспитали детей, добавляя в конце: «И никогда не любил».

Снова повисла пауза, зловещая и печальная. Кощей что-то собирал в своих мыслях, крутя головой и шевеля пальцами, и его сосредоточенное сопение и кряхтение были единственными звуками, заполнявшими небольшую пещеру. Йен в своей неподвижности уподобился камню и безмолвно застыл. Казалось, даже что он забыл, как дышать. Ра молчаливо лежала у самого входа, вслушиваясь в странный разговор двух людей, и во все шесть глаз глядела на звёзды, кое-где выглядывающие на лоскутах неба, стягиваемых швами мол-

ний.

— Тогда куда ты возвращаешься, когда Образ разрушается, если твой дом — такое же место, как и здесь? — в затянувшейся паузе слова прозвучали как странная аномалия, которой здесь быть не должно. И именно они вдруг поменяли устоявшиеся правила, сломав ту неподвижность, которой всё обрастало на облепляющем со всех сторон холоде.

— Ха! — неожиданно громко отреагировал Йен, мгновенно выходя из своей молчаливой сосредоточенности. — Это очень хороший вопрос. Только, боюсь, что подробное объяснение отнимет у нас всё время мира и запутает тебя ещё больше.

— Всё равно расскажи! — Кошей остался непреклонен. — Ты же нашёл на него ответ, и ты с ним разобрался. Значит, сможешь рассказать!

— Справедливо, — в темноте глаза охотника блеснули тем хищным огоньком, который не раз в нём зажигался в момент столкновения со смертельной опасностью. Когда вместо того, чтобы от неё убегать, он обнажал оружие и сам становился ещё большей угрозой, с которой надо считаться. — Ну что же, давай попробуем, — и, подняв голову к молчаливым небесам, будто про себя пробурчал: — Сан Саныч, помогай!

Замолчав ещё на несколько секунд, подбирая правильные слова, Йен осторожно начал:

— Может показаться, что то измерение, откуда я сюда

пришёл, — это какой-то другой мир, в котором всё совершенно по-другому: где нет преследующих тебя зверей и вооружённых химер, нет гигантских червей, из которых выползают едва живые люди, нет хищных деревьев и ядовитых растений. Но на деле всё совсем не так: и того, и другого у нас в избытке. С гигантскими червями, конечно, дефицит, но в символическом плане люди так часто на последних силах выгребают из всякого глубинного дерьма, пожравшего их с головой, что вполне можно утверждать — это рядовое явление, происходящее повсеместно. А охотящихся за сокровищами драконов просто в избытке: гораздо сложнее найти тех, кто равнодушен к цацкам и камушкам. Весь вопрос состоит в том, умеешь ли ты это видеть?

Кощей весь обратился в слух, поменявшись в своей неподвижности с рассказчиком. В паузе, возникшей после последней фразы, он не сразу распознал необходимость своего участия. Впрочем, с ответом тоже ничего не получилось.

— И как это видеть? — вопросом на вопрос поддержал он диалог.

— На этот вопрос я уже ответил, — назидательно сказал сталкер. — Вопрос в том, услышал ли ответ? Впрочем, сейчас это не важно: вернёмся сюда позже. Пока всё понятно?

— Да, более чем, — не доверять словам Кощея не было смысла. Йен продолжил:

— От того, умеешь ли это видеть или нет, складывается то, что ты вообще видишь. То, что ты видишь, как-то тобой

называется, и это для тебя приобретает тот или иной смысл, который ты или защищаешь, или с ним борешься. В своё время мне это было описано одной-единственной фразой: «Суть божественного сознания состоит в придании реальности желаемого смысла. Когда всё вокруг имеет тот смысл, который ты называешь, ты становишься богом этой реальности». Фактически во все времена, во все эпохи, в любых мирах и цивилизациях всегда шло противостояние вокруг формирования понятий «что ты видишь?» и «как это называется?». При этом не так важно, насколько правильные даются определения. Гораздо важнее, насколько искренне в них верят. Потому что правильным становится то, во что верят. Даже если это не соответствует действительности.

В темноте этого не было видно, но глаза Кощея округлились в недоумении.

— Но как такое возможно? Как камень, или ночь, или боль могут быть чем-то другим? И как это может изменяться от того, веришь ты в них или нет?

— В правильную сторону мыслишь, братец. — Йен снова хищно улыбнулся. — Я тебе сейчас расскажу — про тот же камень, — а ты потом мне скажешь, как такое может быть. И истину тебе говорю: прежде чем пропоёт петух, ты трижды отречёшься от него. Согласен?

— Согласен! — с вызовом прозвучал ответ.

— Тогда слушай. Версия первая: камень — это кусочек богини-матери Геи, которая рождает из себя всех существ и

всех богов. В милости и любви своей она, вечная и несокрушимая, делится со всеми своими богатствами и своим телом. Реки — это её кровь, дожди — это её слёзы, трава и деревья — волосы, горы и почва — кости и кожа. Сама она, как любящая и заботливая мать, без остатка отдаёт всю себя своим детям — живым существам, — чтобы те, созданные из её тела, жили с ней и заботились о ней, пользуясь её дарами и её плодами. И даже когда дети её убивают и пожирают друг друга, всё равно они возвращаются в породившее их лоно, чтобы потом возродиться вновь. И нельзя ничего разрушить и ничего уничтожить, поскольку всё и так создано из единой плоти. Можно только в незнании своём навредить себе, неправильно пользуясь тем, что есть. Ну как, звучит? Похоже на правду?

Кощей сидел в оцепенении. Серый булыжник в его руках вдруг стал сакральнейшим из предметов, который он когда-либо держал. И, трогая в темноте его холодную грубую поверхность, он словно гладил лицо любимой женщины.

— Звучит... — словно в забытии произнёс он. — Это ведь в самом деле так: всё из одного тела состоит, и всё в него возвращается. Внутри каждого дерева есть и вода, и земля, и камни. И гигантские черви, и Ра, и драконы — все они созданы из той же матери-земли и пропитаны её водой, ставшей их кровью.

— Очень хорошо, — Йен кивнул, хоть этого никто и не увидел, — тогда слушай дальше. Вторая версия: камень

— это кристаллизовавшаяся, вывернутая наизнанку раскалённая магма планетарной мантии, которая за миллиарды оборотов в холодном космосе, нагреваясь и остывая, двигалась из центра ядра на поверхность. Это движение создавало всё многообразие наблюдаемой материи: металлы, минералы, соли и другие соединения. Вращение планеты, гравитация, приливные силы, столкновения с метеоритами, движение твёрдых и мягких слоёв, формирование газов и жидкостей — всё это со временем привело к стабилизации, которую мы сейчас застали и которая со временем также исчезнет. А все живые существа — это точно такие же крупинки разнообразных солей, когда-то растворённых в воде, вибрирующей под солнечным светом, и теперь тянущихся к этому свету в силу заложенных в сам процесс программ. В своём устремлении эти крупинки постепенно сплетались во всё более сложные и сложные организмы, извлекая для себя энергию за счёт слияния или поглощения органических форм, таких же, как и они сами. И постепенно превращались из мельчайших амёб в гигантских червей и драконов-наездников, поедающих других и самих себя. А на деле — просто замысловатые механизмы, выполняющие практически случайную функцию в среде, в которой сформировался их рост и потребление. И все принимаемые решения — это просто срабатывание самого эффективного триггера, который за эпохи переборки различных вариантов остановился на лучших готовых решениях. А если условия меняются — а

они постоянно меняются, — то нужно к ним адаптироваться или просто умрёшь. Всё это формирует обстоятельства, где использование камня для того, чтобы сделать из него копьё, — это самое эффективное его применение. Фактически — это высшая форма его существования, определяемая самой эволюцией, не имеющей никаких целей, а обладающей только способами. При этом неважно: разобьёт ли камень чью-то голову, или чья-то голова придумает, как и для чего ей разбить камень, — ни то ни другое не имеет какой-либо особенной ценности и делается просто потому, что это может быть кем-то сделано. Ну как? Оно?

И снова наступила тихая пауза, которую заполнял только шум ветра, гуляющего во вздыбившихся горных хребтах, пробивших себе путь из самых далёких и древних глубин. В этом гуле слышалось далёкое отражение той подземной дрожи, что продолжала вращать за собой планету, раскрученную где-то в космической пустоте. Случайный механизм, созданный стечением обстоятельств, в котором нет ничего необыкновенного и в котором можно делать всё что угодно.

Камень в руках Кощея вдруг стал инструментом и оружием, самой обычной безделушкой, которой можно пользоваться, как ему вздумается. Мир вокруг, до этого бесконечно живой и волшебный, вдруг стал просто ареной, испытательным полигоном, бессмысленным пространством, в котором захотелось навести свой собственный порядок. Убрать всё лишнее, стереть всё ненужное, заполнить чем-то соглас-

но своим желаниям и воле. И только его фантазия и умения сдерживали его возможности, которые не имели ни границ, ни правил.

— Ого... — выдохнул он, выпустив изо рта облачко пара.
— Это многое меняет...

— Это меняет всё! — торжественно добавил Йен, пряча в пещерном мраке свой оскал. — И, заметь, каждое слово — чистая правда. Продолжаем?

На несколько секунд снова вернулось безмолвие. Кошеч продолжал крутить в руках бездушный камень, наделяя его собственным смыслом, от которого теперь зависело всё. Как и от его последующего ответа.

— Да! — со всей решимостью сказал он, словно нырнул в замёрзшую воду.

Теперь паузу взял Йен. В затихшей темноте было слышно, как он успокаивает своё дыхание, снова делаясь беззвучным и прозрачным.

— Итак, версия номер три: камня на самом деле нет, — скрывшийся во мраке силуэт извлекал из ниоткуда мрачно звенящие в пещерных стенах слова, созданные, казалось, из чистого льда. — Всё состоит из квантовых колебаний, движущихся на скоростях, которые невозможно почувствовать или представить. Все они формируют виртуальные частицы, которые слипаются в то, что на разных масштабах начинает казаться чем-то действительным. Но по факту нет планет, нет звёзд, нет материи, нет времени. Нет вообще ничего, что

имело бы свои собственные понятия и имена, как нет разницы между водой и камнем, рукой и деревом, воздухом и грязью. Всё, что есть, — это светящаяся пустота, создающая сама себя. В основе всего, что видится и что воспринимается, — всеобъемлющая электрическая вибрация, существующая на всех возможных уровнях. Её количество и её качество определяют то, что называется плотностью, температурой, цветом, формой. Но в любой материи, в любом объекте нет ничего, кроме дрожащей пустоты. И пустота эта — живая. Ей неважно, в чём жить: в камне, в дереве или в тебе. Ей неважно, в чём умирать: в черве, в драконе или во мне. Всё многообразие создаваемых ею форм служит только для того, чтобы они жили, умирали, любили, чувствовали, сражались, дружили, смотрели на самих себя и рассказывали сами себе истории. Чтобы придавали своему существованию какой-то смысл, самостоятельно его придумывая и искренне в него веря. И во всём этом калейдоскопе эмоций забывали, что, кроме танцующей пустоты, в них ничего больше нет. И никогда не было.

Ответом этим застывшим словам стал гулкий удар о пол обронённого булыжника. То ли камень на долю секунды слился с той самой пустотой, то ли на миг исчезли державшие его руки. В непроглядной тьме было не разобрать, что случилось на самом деле.

Снова потянулись звенящие тишиной секунды, каждая из которых становилась равной целой вечности, в которой ни-

когда ничего не происходило.

— Это так красиво... так печально... — сухой голос Кощея наждачкой протирался сквозь застывший пещерный мрак, выцарапывая в нём первородные искры звуков и смыслов. — ...И так... — новая пауза застряла во льду, чтобы затем проломить его яркой вспышкой новой эмоции, — освобождает!

Йен молчал, давая выговориться своему любопытному собеседнику.

— Об этом думать сложно, больно — как же так: меня нет? — в Кошее прорывалась какая-то плотина, грозя залить своими переживаниями всё вокруг. — Да и думать об этом некогда: вокруг столько всего происходит. Но когда это чувствуешь, когда это понимаешь... это меняет всё!

— И не меняет ровным счётом ничего, — завершил мысль сталкер: его слова упали, словно гильотина, обрубив головы мыслям-революционерам. — Даже если ты это чувствуешь и понимаешь, ты всё так же хочешь есть, пить и спать. Всё так же бьёшь ноги о камни, чувствуешь холод и, вдобавок, окружён теми, кто этого не знает и не желает знать, имея на твой счёт свои собственные планы. Так ведь?

— Всё так, — эмоциональный пробой заткнулся куском каменного льда. — И не меняет ровным счётом ничего...

— И теперь скажи мне: что из этого самое правильное? Во что из этого лучше всего верить? — острые вопросы вдруг разрубили все подмости, удерживающие противоре-

чия вместе, заставляя делать выбор.

— Я не знаю, Йен, — в голос Кощея забрался тот же холод, с которого начались первые ответы. — Ты это рассказал, и я увидел: всё правда. Но каждая правда — разная. Каждая правда — ценная. И каждая правда исключает остальные. должна быть или та, или другая. Третьего не дано.

— Вот это и есть игра в «что ты видишь?» и «как это называется?», за право определять правила в которой и идут все на свете войны, сражения и конфликты. Не за драгоценности, не за энергоресурсы, не за земли — за это. Это и есть настоящая власть, которая даёт возможность управлять всем остальным. И выше этой власти нет ничего.

В холодной темноте раздавались какие-то шумящие звуки: Йен укладывался спать, размещая оружие в изголовье и укрываясь под тонким, но тёплым спальником.

— Йен, а кто в это играет?

— Ты.

Глава 3. Суть вещей

Шум катающихся по земле камней прорвался сквозь глубокий сон без сновидений, заставив Йена буквально подскочить на своей кровати. Он, не глядя, схватил и обнажил цзянь, готовясь отразить внезапную опасность, попутно пытаясь сообразить, что же произошло. Первой была мысль о том, что и Кощея, и Ра уже не осталось в живых, раз никто из них не поднял тревоги.

Однако вход в пещеру был чист, а Ра мирно дремала в дальнем углу, спрятавшись в тени от неожиданно яркого утреннего солнца. Протерев глаза, Роджер вышел наружу и, обнаружив источник звука, едва не зашёлся в хохоте. Босиком, двигаясь по холодным камням танцевальными движениями, Кощей старательно рубил воздух подобранной где-то веткой. При этом он тщательно повторял некоторые из движений самого Йена, которыми тот не так давно убивал «волков» и драконов.

Сталкер не спешил вмешиваться в процесс и наблюдал за происходящим со стороны: плечи зажаты, стойка шатается, кисть перекручена. Впрочем, половина из обнаруживаемых проблем являлась следствием катастрофичной subtilности новоявленного фехтовальщика. Но надо было отдать ему должное: общие принципы он ухватил верно.

Когда Кощей закончил верхний выпад с уклонением, ко-

торым Йен поразил в голову последнего воина-дракона, в пустынной тишине, рождая гулкое эхо, раздались медленные аплодисменты. Одобрительно кивая, автор движения хлопал в ладоши, глядя на внезапного плагиатора. Кощей широко улыбнулся и, казалось, даже немного покраснел от смущения.

— И что это значит, братец? — хорошее настроение с утра стало редкостью, так что Роджер не собирался упускать возможности поделиться им со своим окружением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.